

**РОМАН О. УАЙЛЬДА
«ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ» В ПЕРЕВОДЕ:
УТРАТА ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ
ЦЕЛОСТНОСТИ ГЕРОЯ**

Проблема адекватности стиля при переводе художественного произведения чрезвычайно важна по целому ряду причин, в том числе и по причине постановки уникальных проблем, решаемых автором художественного текста. Только эстетически организованный текст признается художественным, различные способы эстетизации текста составляют стиль того или иного автора. Знание приемов кодирования текста, характерных для определенного писателя, облегчает одну из важных задач переводчика, заключающуюся в максимальном сохранении авторского замысла и, как следствие, авторского стиля. Тем более это касается текстов декадентской направленности, характеризующихся особо скрупулезной работой писателя над словом. Необычные афоризмы, непривычные сочетания слов призваны удивлять читателя; новые сравнения, экстравагантные метафоры призваны свидетельствовать об оригинальности произведения, без всего этого оно не могло бы рассматриваться самими декадентами как действительно художественное.

К сожалению, в ряде случаев имеют место неудачные переводы художественных произведений, от которых иногда отказывались сами писатели. Так, известно, что О. Уайльд отказался от перевода драмы «Саломея» лорда А. Дугласа, а В.Е. Набокова способствовала уничтожению шведского перевода романа В. Набокова «Лолита». С.Я. Маршак, известный великолепными переводами У. Шекспира, Р. Бернса и других авторов, писал следующее: «Лучше совсем отказаться от перевода художественного произведения, чем перевести его плохо или посредственно. Дурной перевод – клевета на автора. И как часто, к сожалению, эта клевета остается безнаказанной и даже неизобличенной. Читая стихи или прозу лучших писателей, прошедших через мясорубку плохих переводчиков, каждый вправе задать вполне естественный и логичный вопрос: так за что же, за какие заслуги присвое-

но автору звание великого писателя, классика? Ведь, по совести говоря, пишет он очень неважно» (Маршак, 1971: www.classic-book.ru/lib/sb/book/597/page/115). Таким образом, во-первых, неудачный перевод, обедняя язык оригинала, способствует ложной идентификации автора. Во-вторых, подобные переводы влияют на восприятие читателем героев художественного произведения, на качество их идентификации. Следствием этого является некорректное прочтение текста и, как правило, потеря эстетического удовольствия от соприкосновения с потерявшим отличительные черты – потерявшим идентификацию – произведением искусства.

При лингвистическом анализе классического перевода романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» М.Е. Абкиной мы сталкиваемся с проблемой потери идентификации, приобретающей многоаспектный характер. В тексте рассматриваемого перевода романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», прежде всего, обращают внимание своеобразные дополнения переводчика к тексту оригинала и снижение переводчиком регистра стиля романа.

Добавления часто встречаются в прямой речи персонажей, играя важную роль в их идентификации. Например, художник и эстет Бэзил Холлуорд никогда не говорит вульгарным языком, тогда как, исходя из перевода М.Е. Абкиной, у читателя может сложиться о нем иное впечатление.

«– Уберите-ка ширму, Дориан. *Какого черта* ваш лакей вздумал *запрятать* портрет в угол? *То-то* я, как вошел, сразу почувствовал, что в комнате *чего-то* недостает» (Уайльд, 2000: 134 / Пер. М.Е. Абкиной).

Ср. с оригиналом: «Do take the screen away, Dorian. It is simply disgraceful of your servant hiding my work like that. I felt the room looked different as I came in» (Wilde, 1979: 212) «– Уберите ширму, Дориан. Со стороны слуги просто отвратительно прятать таким образом мою работу. Я почувствовал, что комната изменилась, как только вошел»¹.

Добавление частиц и грубо-просторечного фразеологизма в этом случае снижает регистр стиля. Скрытный и чувствительный, вежливый и благородный, художник Бэзил Холлуорд превращается в несдержанного, вульгарного человека.

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е.К.

Подобные добавления и снижение регистра стиля касаются и описания через прямую речь главного героя романа – эстета, влюбленного в красоту, утонченного Дориана Грея, по сюжету романа, относящего язык к материям, украшающим человеческое бытие. Дориан считает, что способность красиво говорить – величайший дар и одно из ценнейших качеств; прежде всего его околдовывают слова и интонация голоса, затем – музыка, после чего следует все остальное. В переводе же М.Е. Абкиной Дориан Грей восклицает: «Ох, надоело мне это!» (Уайльд, 2000: 38), тогда как в оригинале он произносит «Я устал позировать» («I am tired of sitting», Wilde, 1979: 95). Разговорное, развязное «ох, надоело мне это» не может быть произнесено дворянином из высших кругов общества, таким образом, не соблюдается определение героя. Здесь же переводчица сопровождает фразу Дориана собственным комментарием «возразил юноша капризно», тем самым лишая читателя возможности самому оценить сделанное Дорианом ранее заявление. М.Е. Абкина упрощает и стилистически снижает речь героя, тогда как «переводчик не должен повышать или снижать стилистический уровень» (Виссон, 2002: 146). «Я прошу прощения» («I beg your pardon») звучит у нее как «Извините» (Уайльд, 2000: 39). «Я не знаю, что она скажет мне» («I don't know what she will say to me») переведено с дополнительной экспрессией в лексике и просодике «Уж не знаю, как она теперь меня встретит» (Уайльд, 2000: 39). «Я не переношу его, когда он дуется» («I can't bear him when he sulks») интерпретировано как «Я терпеть не могу, когда он сердится» (Уайльд, 2000: 40). «Я расскажу Вам, Гарри, но Вы не должны быть предубеждены против этого» («I will tell you, Harry; but you mustn't be unsympathetic about it») изложено как «Сейчас расскажу. Но не думайте меня расколаживать, Гарри» (Уайльд, 2000: 71).

Неоправданный отбор сниженной лексики и насыщение речи героя частицами и междометиями может сформировать ложное впечатление о Дориане как о невоспитанном и капризном молодом человеке.

Выделенные нами курсивом добавления в представленных ниже примерах также способствуют некорректной лингвистической идентификации героя читателем:

– Не помню уже, – ответил Дориан. – Вероятно, объявлял. *Ну да Бог с ним, с портретом!* Он мне, в сущности, никогда не нравился, и я жалею, что позировал для него. Не люблю я вспоми-

нать о нем. К чему вы затеяли этот разговор? *Знаете, Гарри, при взгляде на портрет мне всегда вспоминались две строчки из какой-то пьесы <...>*

(Уайльд, 2000: 234 / Пер. М.Е. Абкиной)

Ср. с оригиналом:

«I forget, – said Dorian. – I suppose I did. But I never really liked it. I am sorry I sat for it. The memory of the thing is hateful to me. Why do you talk of it? It used to remind me of those curious lines of some play <...>» (Wilde, 1979: 335) – «Не помню, – сказал Дориан. – Думаю, да. Но мне никогда он не нравился. Жаль, что я позировал для него. Воспоминание о нем внушает мне отвращение. Почему вы заговорили о нем? Он всегда напоминал мне эти удивительные строки из какой-то пьесы <...>»

Стремление переводчика максимально приблизить речь Дориана к разговорной речи, выражающееся в построении инверсивных конструкций и использовании специфически окрашенной лексики, приводит к неудачному исходу, поскольку не следовало снижать и регистр разговорной речи Дориана. Герменевтическое понимание текста становится невозможным, отсюда коммуникация читателя с текстом автора становится менее эффективной.

Некоторые добавления внутри прямой речи героя влияют не только на оценку его речи и, как следствие, его языковой личности, но и на оценку его душевных, человеческих качеств. Когда, в соответствии с сюжетной линией, Джеймс Вейн пытается убить Дориана, а главный герой убеждает его в том, что Джеймс ошибся и принял его за другого, Дориан, исходя из перевода, говорит следующее:

– Да, вы чуть не совершили ужасное преступление, – сказал он, сурово глядя на Джеймса. – Пусть это послужит вам уроком: человек не должен брать на себя отпущения, *это дело Господа Бога.*

(Уайльд, 2000: 213 / Пер. М.Е. Абкиной)

Ср. с оригиналом:

«You have been on the brink of comitting a terrible crime, my man,» he said, looking at him sternly. «Let this be a warning to you not to take vengeance into your own hands.» (Wilde 1979: 308) – «Вы были на грани совершения отвратительного преступления, мой друг, – сказал он, сурово глядя на него. – Пусть это будет вам предупреждением: нельзя брать отпущение в свои руки».

Добавленное переводчиком выражение «это дело Господа Бога» рисует Дориана с негативной стороны, усиливая трагизм ситуации. У читателя может сложиться впечатление, что Дориан не только лжет во имя спасения своей жизни, но и в эту же минуту лицемерно говорит о Боге, по-дьявольски противостоя морали и презирая совесть.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маршак С.Я.* Воспитание словом (статьи, заметки, воспоминания). 1978 // www.classic-book.ru/lib/sb/book/597/page/115
2. *Уайльд О.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. – М., 2000..
3. *Wilde Oscar.* Selections. – М.: Moscow Progress Publishers, 1979. – 391 p.